

О СЧАСТИИ.

Гдѣ ищутъ счастія, и гдѣ нужно искать его?

3

(Публичное чтение, предложенное въ Киевскомъ Ооществѣ просвѣщенія въ духъ православной Церкви, 5 марта 1900 года въ залѣ Фундукъ левской женской гимназии).

Другой разъ мы осмѣливаемся выступать съ словомъ предъ высокочтимъ собраніемъ любителей духовно-религіозныхъ чтеній. Въ первый разъ мы обратили благосклонное вниманіе своихъ слушателей на премудраго и всеблагого Промыслителя, держащаго въ своей деснице судьбы міра и человѣка, и все направляющаго ко благу и спасенію нашему. Нынѣ мы хотимъ обратиться своею мыслю къ вамъ самимъ, къ вашему собственному сердцу, полному желаній, и здесь думаемъ найти пунктъ или предметъ, о которомъ, можетъ быть, будетъ не безынтересно побесѣдовать намъ.

Я позволяю себѣ спросить васъ: какое самое главное желаніе ваше т. е., и ваше и мое, и всѣхъ прочихъ людей, знаемыхъ и незнаемыхъ нами? Конечно, я не ошибусь, если скажу: первое и самое главное желаніе, живущее въ нашей душѣ,—это желаніе счастія. Оно вложено въ насть вмѣстѣ съ дыханіемъ жизни, и, кроясь въ глубинѣ нашего существа, постоянно проторгается наверхъ и, можно сказать, ни на одну минуту не оставляетъ насть; оно наполняетъ наши помыслы,

направлять нашу волю, и все наши решения и действия стоять въ связи съ этимъ желаніемъ, руководителемъ и двигателемъ нашимъ. Желая счастія себѣ и стремясь къ нему со всѣмъ усиліемъ, мы желаемъ счастія и другимъ, близкимъ къ намъ, людямъ, и въ общественномъ быту, при взаимныхъ сношеніяхъ нашихъ, болѣе всего слышится пожеланій счастія; ими обмѣниваются между собою родственники, друзья и знакомые, въ особенности въ знаменательные дни жизни.—при началѣ новолѣтія, при семейныхъ торжествахъ и вступленіи на какое-либо новое поприще жизни, при встрѣчахъ и разлукахъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Никто не отнесется съ осужденіемъ къ этому желанію, насть всѣхъ одушевляющему. Оно посвяено въ насть творческою Десницею. Для счастія и блаженства всеблагой Творецъ воззвалъ къ бытію насть, равно какъ и другихъ тварей, и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ намъ силы и средства къ достижению цѣли, намъ указанной. Многого потребностей и стремленій въ душѣ нашей, и ни одного стремленія нѣть напраснаго, то есть, такого, которое бы только беспокоило насть, и которому бы мы не могли найти удовлетворенія. Премудрый и всеблагой Творецъ не хотѣлъ, (скажемъ) даже не могъ ставить любезныя Ему творенія въ безысходное противорѣчіе, т. е., указать имъ цѣль жизни—благо, и не дать средствъ къ достижению этого блага. Когда Богъ, по твореніи міра и человѣка, обозрѣлъ все, созданное Имъ, Онъ нашелъ, что *вся, елика сотвори, се добра зъло* (Быт. 1, 31). Жизнь наша, по намѣренію Творца, должна состоять въ спокойномъ удовлетвореніи всѣхъ нашихъ потребностей и стремленій помочію благодарованныхъ намъ силъ и средствъ, а такое теченіе жизни и составляетъ то счастіе и благо, которое является предметомъ нашихъ желаній.

И христіанство утверждаетъ и освящаетъ это наше общее и коренное желаніе. Припомните, какое первое слово вышло

изъ усть небеснаго Учителя, явившагося въ нашъ міръ. Словомъ о блаженствѣ, словомъ о томъ, кто можетъ достигнуть блаженства или истиннаго счастія, начинаетъ свою проповѣдь Господь Иисусъ Христосъ, отвѣчая обицему стремлѣнію, замѣчаемому въ человѣчествѣ (Мато. V. 1—12), и при видѣ бѣдствій, удручающихъ человѣческій родъ, Онъ возвѣщаетъ наступленіе новаго лѣта благопріятнаго (Лук. IV, 18—19), когда разсѣется туча бѣдствій, носящаяся надъ нашими головами. Всѣ божественные обѣтованія, какими наполнены священные книги, заключаются въ томъ, что указываютъ намъ источникъ истинныхъ, непреходящихъ наслажденій, и побуждаютъ насъ приблизиться къ этому источнику и черпать изъ него живую воду, утоляющу нашу духовную жажду и услаждующую все существо наше.

Но что мы видимъ въ жизни? Гдѣ то счастіе, стремленіе къ которому вложено въ нашу душу, и которое составляетъ предметъ нашихъ постоянныхъ исканій? Оно точно райская птичка, порхающая надъ нашими головами и предъ нашимъ взоромъ. Мы видимъ ее, гоняемся за ней, но не можемъ уловить ее. Она манить насъ къ себѣ, иногда близко, очень близко летаетъ передъ нами и почти касается насъ крыломъ своимъ, но когда мы хотимъ схватить ее, она вдругъ далеко взвивается отъ насъ въ небесныя пространства, и мы остаемся разочарованными и недовольными. „Гоняясь за счастіемъ (говорить св. Григорій Богословъ¹), мы хотимъ хватать руками мимотекущій потокъ, какъ нѣчто твердое, ловить тѣнь и сжимать ее руками, простираять длані къ туману и осаждать его.... Человѣческое счастіе подобно самымъ непримѣтнымъ слѣдамъ корабля, которые нарѣзываются спереди и исчезаютъ сзади“.

¹⁾ Св. Григорія Богослова стихи о самомъ себѣ. Твор. св. Григорія Богослова т. IV, стр. 281

Бѣдный человѣкъ (скажемъ словами поэта)

Всегда куда-то вдаль стремится.
Всегда въ желанья погруженъ,
То съ неба звѣздъ желаетъ онъ,
То хотеть счастьемъ насладиться
И до могилы такъ томится¹).

Знаете ли вы, укажете ли вы такого человѣка, который бы считалъ себя вполнѣ счастливымъ и не желалъ себѣ лучшіхъ дней? Фантазія великаго поэта воспроизвела искателя земнаго счастія въ лицѣ известнаго Фауста. Искать онъ въ жизни наслажденій, и ни одного мгновенія не могъ найти такого, когда бы могъ воскликнуть: „Мгновеніе.

Прекрасно ты,—продись, постой“²).

И самъ поэтъ, поставленный, повидимому, въ самыя благопріятныя условія жизни, къ себѣ самому относить то, что онъ влагаетъ въ уста своего героя. Онъ всюду искалъ счастія, пускался во всѣ стези жизни, и каждый разъ (сознается онъ) возвращался еще болѣе недовольный и измученный.

Гдѣ же разгадка этого тяжелаго, насущнаго вопроса нашей жизни? Гдѣ искати разрѣшенія такого противорѣчія между нашими исконными стремленіями и суровою дѣйствительностью, не дающею удовлетворенія нашимъ законнымъ стремленіямъ? Силилась разсѣять туманъ, облегающій эту загадку, философія, и въ лицѣ лучшихъ умовъ приближалась къ вратамъ истины, но не могла войти въ самое святилище ея, а въ лицѣ другихъ,—и большинства,—совершенно изнемогала. не умѣя найти руководящей нити къ разрѣшенію тяжелаго вопроса. Бралась изображать пути, ведущіе къ счастію, поэзія, и давала одинъ пустой призракъ счастія, или тамъ, гдѣ

¹) Фаустъ Гете. Собраніе сочиненій Гете, изданныхъ подъ редакціей Гербеля, т. II, стр. 12.

²) Тамъ же, стр. 55.

думала найти счастіе, находила страданіе и горе, и скорбнымъ трагическимъ плачемъ заключала свои исканія.

Мы не послѣдуемъ ни за философию, ни за поэзіею въ разрѣшеніи тяжелаго вопроса, хотя, можетъ быть, для васъ было бы интереснѣе, если бы мы разсыпали предъ вами заимствованыя отсюда пестрые и яркіе цветы, какихъ много можно найти въ литературѣ прошедшихъ вѣковъ. Намъ, служителямъ божественной истины, хранимой Церковію, вы позволите взять для себя руководительную нить въ неложномъ словѣ Божіемъ и его толкованіи богоудрными мужами. читыми всѣмъ христіанствомъ.

Это слово Божіе говоритъ намъ, что желаніе счастія не праздная мечта, раздражающая и ободыщающая нашу душу. Всеблагой Творецъ (повторимъ мы) не могъ дать намъ обманчивыхъ желаній, не могъ заставить нась истощать свои силы въ напрасныхъ усиленіяхъ, не могущихъ увѣнчаться успѣхомъ. Память народовъ хранитъ преданія о золотомъ вѣкѣ или о раѣ, живя въ которомъ люди не знали никакихъ, удручающихъ нась нынѣ, заботъ и беспокойствъ, и наслаждались жизнью, получая полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, и не нося никакой тяжести на душѣ своей. Но рай утерянъ нами, и вы знаете, когда и какъ. Закрылись для нась двери этого рая, и мы бродимъ съ беспокойнымъ взоромъ по этой землѣ, которая сдѣлалась для нась юдолюю плача и страданій,—хотимъ опять возвратиться въ рай и неослабно стремимся къ тому, но не знаемъ, не находимъ прямого пути, ведущаго къ этому раю, и потому часто заблуждаемся, и вмѣсто того, чтобы приближаться къ нему, весьма и весьма нерѣдко только удаляемся отъ него. Утѣшениемъ намъ можетъ быть то, что, утерявъ счастіе, намъ дарованное Богомъ, мы не предоставлены своей злосчастной судьбѣ, и намъ не слѣдуетъ смотрѣть на себя и на міръ съ горькимъ отчаяніемъ. Намъ обѣтовано, намъ приготовлено счастіе или блаженство

въ будущемъ, въ той вѣчной жизни, которая ожидаетъ насть послѣ нашего отшествія отсюда.

Но одно счастіе потерянно; другое только ожидаетъ насть, и когда-то мы войдемъ въ обладаніе имъ. А въ настоящемъ? А въ здѣшней кратковременной жизни? Ужели мы должны жить только воспоминаніями о счастіи и ожиданіями его?... Какъ ни горько, какъ ни тяжко это,— но мы видимъ и должны признать, что полное невозмутимое счастье не есть уѣхъ здѣшней жизни нашей. Не отъ Бога такая судьба наша, а отъ насть самихъ.

Какъ, недостижимо для насть полное невозмутимое счастіе на землѣ. Земля наша, на которой живемъ мы, точно пустыня, по которой шли израильтяне къ землѣ обѣтованія: но и здѣсь, во время нашего странствованія по этой пустынѣ бытія къ землѣ обѣтованія, къ блаженнымъ обителямъ, намъ уготованнымъ, мы можемъ находить покой душевный, можемъ имѣть не минуты только радости, но дни и годы внутренняго довольства.. Мы только не тамъ ищемъ возможное здѣсь для насть счастіе, и потому напрасно томимъ себя, стремясь за обманчивыми призраками счастія.

Гдѣ обыкновенно ищутъ счастія? Въ нашъ материальный вѣкъ (да и въ нашъ ли только?) полагаютъ счастіе въ богатствѣ, и всѣ усилия употребляютъ на снисканіе материальныхъ средствъ жизни, а потомъ ихъ увеличеніе. Хотя народная мудрость говоритъ, что „не въ деньгахъ счастіе“, но, вопреки этому приговору народной мудрости, у всѣхъ на умѣ такая тайная мысль, что счастливъ тотъ, у кого много денегъ, и кто располагаетъ богатыми средствами для удовлетворенія своихъ желаній и для доставленія себѣ разныхъ удовольствій. Потому посмотрите, какая у всѣхъ неудержимая погоня за деньгами. При видѣ этой общей погони за деньгами, одинъ святой отецъ живописно представляеть, какъ изъ нея образуется „великий костеръ, нами возжигаемый, пламя которого достигаетъ самыхъ облаковъ“. Никто ни тушить этого пламени,

а раздуваютъ всѣ, какъ тѣ, которые уже пленены, т. е. пріобрѣли богатство, такъ и тѣ, которые еще не пленены, чтобы быть плененными. Каждый можетъ видѣть, какъ всѣ,— и мужчина и женщина, и рабъ и свободный, и богатый и бѣдный, каждый по своимъ силамъ, день и ночь несутъ бремя, доставляюще великую пищу этому огню, бремя не дровъ и хвороста, но душъ и тѣлъ, даже часто неправды и беззаконія. Богатые никогда не оставляютъ этой страсти, хотя бы овладѣли всею вселеною, а бѣдные стараются сравняться съ ними, и какое-то неизлѣчимое соревнованіе и неисцѣлимая болѣзнь объемлетъ души всѣхъ. Всякую другую любовь преодолѣла эта любовь и изгнала вонъ изъ души¹⁾). Подагаю, что всѣ вы признаете вѣрность дѣйствительности картины, нарисованной святымъ отцомъ. Но мы не хотимъ призывать громы строгаго суда на стремленіе къ деньгамъ, всѣхъ объявившее. При нынѣшихъ условіяхъ нашей жизни это возжиганіе пламени костра, это стремленіе человѣка къ увеличенію своихъ материальныхъ достатковъ требуетъ отъ него служенія себѣ; оно возникаетъ изъ вложенного въ насъ инстинкта самосохраненія. Конечно, лучшіе имѣть достатокъ во всемъ, чѣмъ нищенствовать. И Господь въ изобиліи разсыпаетъ дары свои во вселенной, чтобы собирали ихъ и пользовались ими. Имѣемъ мы достатокъ,—удовлетворены наши нужды, назойливый голосъ которыхъ постоянно раздается предъ нами. И при деньгахъ мы лучше можемъ обставить свою вѣшнюю жизнь. Да же, въ рукахъ доброго христіански-настроенаго человѣка деньги—средство для благотворенія, для покрытія нуждъ другихъ нашихъ собратій и снисканія ихъ благодарности, и вмѣстѣ и для благоугожденія Богу. Никто изъ насъ, имѣющихъ приличный достатокъ, не пожелалъ бы,—и совершенно законно,—промѣнять свое положеніе на положеніе бѣдняка,

¹⁾ Слово св. Иоанна Златоуста о томъ, что кто самъ себѣ не вредить, тому никто вредить не можетъ. Теор. св. Иоанна Златоуста т. III, кн. 2, стр. 482.

покрытаго рубищемъ, не имѣющаго для себя довольной пищи и принужденаго искать подаянія у другихъ, чтобы какъ нибудь нести бремя жизни.

Но не смотря на все это, владѣніе богатствомъ, хотя бы и миллионнымъ, не составляетъ того счастія, о которомъ то- скуетъ и котораго ищетъ человѣкъ, и которое могло бы доставить ему полное удовлетвореніе всѣхъ его желаній. Пусть богачъ владѣеть грудами золота, которыхъ онъ не можетъ израсходовать на свои не только нужды, но и прихоти. Онъ смотритъ на нихъ, пожалуй, съ услажденіемъ. Но незримый духъ, въ немъ самомъ скрывающійся, внушительно говоритъ ему: „не здѣсь наше счастіе, не въ этихъ грудахъ золота и драгоценныхъ камней“.

Вѣдь мы сыны небесъ и рая (скажемъ опять словами поэта):

Насытить ли насъ красота земная?

• • • • •

Ахъ, двѣ души въ груди моей болѣй,
Другъ другу чуждыя— и жаждутъ раздѣленья.
Изъ нихъ одной мила земля,—
И здѣсь ей любо въ этомъ мірѣ,
Другой—небесныя поля,
Гдѣ духи носятся въ эоирѣ ¹⁾

И вотъ, когда сыта, полна душа земная, — другая душа, которую угодить могутъ только небесныя поля, можетъ питаевать голодомъ и жаждою.

Недавно, въ январской книжкѣ одного изъ нашихъ журналовъ за настоящій годъ, намъ пришлось прочитать признаніе одного несмѣтнаго богача, не знающаго конца своимъ владѣніемъ. „Много денегъ у меня (говорилъ онъ); много лѣсовъ, луговъ и всякихъ владѣній; но ни на что мнѣ не

¹⁾ Фаустъ, Гете. Собр. сочиненій Гете, т. II, стр. 13. 36—37

хочется смотрѣть. Тяжело мнѣ. Днемъ и ночью гложетъ меня какая-то тоска. Я не знаю, что предпринимать и куда дѣваться. Я заблудился и не знаю для себя выхода, заблудился среди бѣлаго дня¹⁾... Такое признаніе дѣлаль богачъ своимъ спутникамъ въ дорогѣ, направляясь къ о. Ioannу Кронштадтскому, котораго онъ хотѣлъ просить, чтобы онъ утолилъ какъ нибудь томящую его алчбу и жажду души его.

Но зачѣмъ намъ приводить признанія людей малоизвѣстныхъ, которымъ вы можете не придавать значенія, когда у насъ есть непрекаемое свидѣтельство на то, что богатство не даетъ удовлетворенія душѣ нашей? Это свидѣтельство древняго богодохновеннаго мудреца Соломона. Онъ окружилъ себя всѣмъ обилемъ и все испыталъ,—построилъ себѣ дома, устроилъ сады и рощи, насадилъ въ нихъ всякия плодовыя деревья, пріобрѣлъ себѣ слугъ и служанокъ; крупнаго и мелкаго скота у него было больше, чѣмъ у всѣхъ, бывшихъ прежде него въ Іерусалимѣ; собралъ онъ себѣ серебра и золота и драгоцѣнностей отъ царей и областей, завелъ у себя щѣвцовъ и пѣвицъ и сдѣлался великимъ и богатымъ больше всѣхъ (Еккл. II, 4—10). Что же? Чего желать еще больше? Повидимому. Соломонъ достигъ вершины счастія? Но нѣтъ.—не насытилась душа его всѣмъ этимъ; не нашелъ онъ удовлетворенія во всѣхъ утѣхахъ, какими окружилъ себя. *Оглянулся я (говорить онъ) на всю дѣла свои и на труды, которыми трудился,—и вотъ все суета и томленіе духа, и нѣть изобилия подъ солнцемъ*, которое бы дало полное успокоеніе душѣ нашей (Еккл. II, 11).

Богатство не цѣль, не конечное благо, овладѣвъ которымъ можно успокоиться. Оно средство, простое орудіе, которымъ можно пользоваться для удовлетворенія потребностей житейскихъ, и которымъ въ то же время можно злоупотреблять, и

¹⁾ Богословскій Вѣстникъ, январь, 1900, стр. 113.

въ этомъ случаѣ оно не приблизить насъ къ счастію, а скорѣе удалитъ отъ него. Деньги, которыми многіе измѣряютъ счастіе людей,—венцъ по отношенію къ намъ вѣнчаная и мертвая, а счастіе, нами искомое, можетъ быть созидаemo и ощущаемо только внутри настъ, въ нашемъ сердцѣ. Оно состоить въ благомъ и невозмутимомъ настроеніи души. Деньги наполнять нашъ карманъ, пожалуй, наши сундуки, а души наполнить не могутъ. Мы можемъ пріобрѣсть весь міръ, а на душѣ при этомъ можетъ быть пусто, скучно и невыносимо тяжело, и неудовлетворенное чувство, какъ камень, будетъ давить ее. *Кая польза человѣку* (говорить Господь). *аще ліръ весь пріобрѣщетъ, душу же свою отищетитъ* (Марк. VІІІ, 36)? Деньги венцъ условная. Въ раю человѣкъ пользовался полнымъ счастіемъ, бытъ блаженъ; но тогда денегъ не было. Безъ нихъ онъ владѣлъ довольствомъ, и жизнь его текла тихимъ, невозмутимымъ потокомъ. И въ будущей жизни, гдѣ обѣтовано намъ вѣчное блаженство, конечно, денегъ не будетъ. Евангельская проповѣдь, начинающаяся словомъ о блаженствѣ, или счастіи, блаженными и счастливыми называется не богатыхъ, а нищихъ духомъ, не роскошествующихъ, а алчушихъ и жаждущихъ правды (Мато. V, 3—6). Иной человѣкъ, одѣтый въ скромную, даже бѣдную одежду и питаютійся самою простою пищею, бываетъ довольнѣе и счастливѣе роскошного богача, не знающаго счета своимъ сокровищамъ и дозволяющаго себѣ всѣ земныя наслажденія. Счастіе измѣряется не вѣнчаниемъ богатствомъ, а внутреннимъ содержаніемъ или богатствомъ душевнымъ. Чтобы нагляднѣе показать это, возьмемъ для сравненія картину. Если картина написана дурно, дорогая золотая рама, въ которую бы вы вложили ее, не сдѣлаетъ ее и прекрасною. А богатство тоже для человѣка, что золотая рама для картины. Если скучно внутреннее содержаніе богача, его вовсе нельзя назвать счастливымъ. Говоримъ это не мы, а св. Іоаннъ

Златоустъ. „Вы видите (говорить онъ)¹⁾ богатаго и знатнаго человѣка, ъдущаго въ великолѣпномъ экипажѣ на быстрыхъ коняхъ, и считаете его счастливымъ. Почему? Потому что у него чудный конь съ позлащеною уздою, что у него много слугъ, что онъ одѣтъ въ свѣтлую одежду и безмѣрно упивается и роскошествуетъ каждый день? Но по этому онъ несчастенъ и жалокъ. Я вижу, что въ немъ самомъ вы ничего не можете похвалить, а хвалите все вѣнч его,—коя, узду, одежду; а все это не онъ. Что же, скажи мнѣ, можетъ быть горестнѣе того, когда конь его, узда коня, красота одѣжды и тѣлесное благообразіе возбуждаютъ удивленіе, а въ немъ самомъ не находится ничего похвального? Кто можетъ быть бѣднѣе того человѣка, который не имѣеть никакого собственнаго добра, по укращается всѣмъ чужимъ“?

При томъ возьмите во вниманіе, какъ бессильно богатство предохранить насть отъ бѣдъ, преслѣдующихъ насть по пятамъ. Веселится богачъ, переходить отъ одного удовольствія къ другому. Вы завидуете ему, но удары судьбы, нежданно-негаданно, подкрадываются къ нему, и пропасть призракъ счастія. Его поражаетъ болѣнь, и всѣ избытки его сокровищъ не даютъ ему облегченія. Смерть вторгается въ его чертоги и похищаетъ близкихъ ему, дорогихъ его сердцу,—и слезы льются у него рѣкою. Врагъ человѣкъ сѣть сѣмя раздора и вражды среди обладателей сокровища, и часто самое богатство, изъ-за котораго бываютъ люди, служитъ источникомъ такого раздора, и тогда непріятности отъ обладанія богатствомъ пересиливаютъ и совершиенно изгоняютъ его пріятности. Какое-либо неудачное предпріятіе богача, обманъ или насилие злыхъ людей, случайное стихійное бѣдствіе или взрывы общественно-политическихъ страстей во время войны или междоусобія,—и вдругъ исчезаетъ богатство, собранное съ боль-

¹⁾ Слово на новый годъ. Твореніи св. Иоанна Златоуста т. I, кн. 2, стр. 763

шимъ трудомъ или доставшееся по наслѣдству. И тогда сколько беспокойствъ и огорченій! Наконецъ, предъ глазами грозный образъ смерти, которая не знаетъ и никому не даетъ попады. Сверкнеть она своей косою, и слѣда нѣть того счастія, на которое съ завистію смотрѣли многіе. И вотъ—

Гдѣ роскошь пышная была.

Тамъ будетъ пепель и зола.

Во времена патріархальныя быть богачъ, благословенный Богомъ, ущедренный отъ Него обилемъ благъ земныхъ,—говоримъ о праведномъ Іовѣ. И вотъ среди невозмутимаго, повидимому, благоденствія, поражаетъ его одна бѣда за другую, за тяжкою еще болѣе тяжкая. Одинъ вѣстникъ явится и говоритъ: *волы орами, и ослицы наслись подгѣихъ, какъ напали савеяне, и взяли ихъ, и отроковъ поразили остріемъ леча, и спасся только я одинъ.* Не успѣлъ онъ кончить свой разсказъ, какъ явится другой вѣстникъ и сказываетъ: *огонь Божій упалъ съ неба, и опалилъ овецъ и отроковъ и пожрали ихъ, и спасся только я одинъ.* Еще онъ говоритъ, какъ приходить третій и возвещаетъ: *хайде напали на верблодовъ и взяли ихъ, и отроковъ поразили остріемъ леча, и спасся только я одинъ.* Затѣмъ является четвертый съ такою вѣстію: *сыновья твои и дочери твои пили и пили вино въ доиль первороднаго брата своего, и вомъ большой вътеръ пришелъ отъ пустыни и охватилъ четыре угла дома, и доиль упалъ на отроковъ, и они упали.* Этого мало. Сатана поразилъ праведника еще проказою лютую, отъ подошвы ноги по самое темя его, и взялъ онъ себѣ черепицу, чтобы скоблить себя ею, и сѣялъ въ пепель вѣ селенія, и не было у него утѣшителя (Іов. I, 14—19. 11, 7—10). Къ нашему вразумленію сохранена въ священныхъ книгахъ исторія этого богатаго праведника, чтобы мы видѣли изъ нея, какъ

хрупко и зыбко то счастіе, которое мы полагаемъ въ богатствъ. Одно мгновеніе, одно неблагопріятное дуновеніе вѣтра,— и изгтъ въ рукахъ нашихъ тѣхъ сокровищъ, обладателями которыхъ мы были. Пусть многіе богачи не думаютъ объ этой превратности судьбы, и съ спокойною безнечностью предаются своимъ наслажденіямъ. При мысли о такой беспечности иныхъ богачей намъ припоминается грозное предостерегающее слово пророка, обращенное къ современнымъ ему богачамъ. *Вы (говоритъ онъ). которые день бѣдствія считаете далекими, вы, которые лежите на ложахъ изъ слоновой кости, и нѣжитесь въ постеляхъ вашихъ, єдите лучшыхъ овновъ изъ стада и тельцовъ изъ тучного пастбища, поете подъ звуки гусей. пьесе изъ чаинъ вино, лажетесь наилучшими листьями... За то нынъ пойдутъ они въ плѣнъ во главѣ плѣнныхъ и кончится ликованіе изнѣженныхъ* (Амос. VI, 3—7). Это пророкъ говорилъ богатымъ первенцамъ Израиля, и сбылось въ свое время грозное его пророчество. Чертоги ихъ были разрушены, и городъ преданъ быть въ руки враговъ, и имущіе потеряли все и сдѣлались хуже неимущихъ, страдали больше ихъ. Нынѣ нѣть для настъ опасности плѣна и разгрома отъ враговъ. Но развѣ одно это несчастіе можетъ угрожать намъ? Бѣды очень разнообразны и онѣ, какъ Дамокловъ мечъ, висятъ надъ нашими головами, и могутъ обрушиться на настъ, когда мы считаемъ себя совершенно безопасными и застрахованными отъ нихъ. Считая себя счастливѣе всѣхъ известный Кресть, превосходившій своихъ современниковъ своимъ богатствомъ, но тяжелая судьба наложила на него свою руку,—и пропало его самообольщеніе: изъ первого счастливца, какимъ онъ считалъ себя, онъ превратился въ несчастнѣйшаго изъ людей.

Не хотите ли послушать, какъ разсуждается о богатствѣ, въ которомъ мы видимъ главное условіе земного счастія, великий христіанскій учитель, старавшійся проводить въ жизнь высокія начала евангельской истины, св. Іоаннъ Злато-

уть? „Не говори (обращается онъ къ людямъ, обладающимъ большими материальными средствами), что ты имѣешь много благъ. Не называй эти вещи благомъ. Есть другія истинныя блага. Ничто изъ здѣшняго не есть благо, ни веселіе, ни богатство, ни драгоценная одежда, но все это имѣеть только название блага. Что я говорю: имѣеть только названіе блага? Часто эти предметы бываютъ еще причиною нашей гибели... Настоящее—театръ; здѣшніе предметы—обманчивая вѣшность, и богатство, и бѣдность, и власть, и подвластность, и тому подобное. А когда закроется театръ, когда обманчивые виды будутъ брошены, тогда каждый будетъ судимъ со своими дѣлами, не съ богатствомъ, не со властью, не съ почестями и могуществомъ своимъ”¹⁾... „Богатство—бѣглый рабъ, переходящій отъ одного къ другому, свирѣпый тиранъ, властелинъ жесточе всякаго варвара, непріятель неумолимый, не прекращающій никогда своей вражды къ тѣмъ, которые владѣютъ имъ”²⁾.—Этого ли бѣглого раба, переходящаго отъ одного къ другому, этого ли жестокаго властелина, увеличивающаго наши страхи и опасности, считать виновникомъ нашего счастія? У него ли искать успокоенія и радости, неразлучныхъ есть истиннымъ счастіемъ?

Или, можетъ быть, вы будете полагать счастіе въ веселой жизни, полной непрестающихъ удовольствій? Не кажется ли вамъ завиднымъ счастливцемъ евангельской богачь, веселившійся по вся дни свѣтло? Забудемъ о концѣ этой свѣтлой, веселой жизни, хотя этотъ конецъ дастъ ей настоящую цѣну. Посмотримъ на нее чисто съ земной точки зрѣнія, не заглядывая за ту грань, за которую взвѣшивается истинное достоинство всѣхъ человѣческихъ дѣяній и приобрѣтеній. Что же здѣсь представляется намъ? Вотъ роскошный

¹⁾ Бесѣда о Лазарѣ VII. Твор. св. Иоанна Злат. т. I, кн. 2, стр. 865, 847.

²⁾ Бес., говоренія, когда Сакурикъ и Авреліанъ были отправлены въ ссылку, и о сребролюбіи. Тв. I. З т. Ш, кн. 2, 431—2.

домъ, въ ночное время сіяющій блескомъ искусственныхъ огней, дающихъ свѣтъ ярче свѣта солнечнаго. Въ освѣщеныхъ окнахъ видны разряженные гости; слышна громкая музыка; несутся пары въ танцахъ; раздаются смѣхи и веселые разговоры; слышенъ звонъ бокаловъ... Хорошо здѣсь быть,—съ завистью скажетъ и подумаетъ иной трудящійся человѣкъ... Конечно, не каждый день можно бывать на такихъ свѣтлыхъ пирахъ и балахъ. Но за то иные каждый день или вечеръ являются въ увеселительныхъ садахъ или театрахъ. ища здѣсь наслажденія душѣ своей. И вы думаете, что они нашли счастіе въ этихъ увеселительныхъ собраніяхъ, въ этихъ шумныхъ приманкахъ, на которыхъ, какъ мотыльки на огонь, стекаются люди, не знающіе, чѣмъ наполнить праздные часы времени, даннаго намъ въ распоряженіе? Истинное счастіе— капиталъ, въ душѣ хранимый и душу обогащающій. А эти увеселенія не собираютъ, а разсѣиваютъ душу: въ нихъ душа выходитъ вовнѣ, и, чувствуя свою внутреннюю пустоту, хочетъ чѣмъ нибудь наполнить себя. Но наполняетъ ли? Не расходуетъ ли она здѣсь, напротивъ, понапрасну свою силу и энергию? Правда, внѣшнее веселіе доставляетъ человѣку нѣкоторое пріятное раздраженіе. Но это раздраженіе, производимое внѣшними предметами, не можетъ быть постояннымъ. Прекратилось дѣйствіе на душу внѣшнихъ раздражающихъ предметовъ,—чувствуется пустота, утомленіе, скука. Опять человѣкъ стремится къ новому и новому раздраженію, подобно человѣку, пристрастившемуся къ вину, котораго разстроенный организмъ нудитъ прибѣгать къ новой и новой чаркѣ, чтобы угасить внутри горячій пламень. И когда человѣкъ, изо дня въ день, живетъ этою веселою, разсѣянною жизнью, обнищеваетъ его душа; да и не одна душа, но и тѣлесный организмъ истощается и хирѣтъ. Присмотритесь къ окружающей васъ средѣ: болѣзни,—эти непріятныя спутницы нашей жизни,—вѣтаются не около трудящагося люда, ведущаго скромную и правильную жизнь, а бѣгутъ за тѣми.

которые предаются неумъреннымъ увеселеніямъ, проводятъ безсонные ночи въ пустыхъ развлеченіяхъ, и въ погонѣ за удовольствіями уклоняются отъ правильнаго образа жизни.

Вамъ кажется излишне жесткимъ и одностороннимъ такой взглядъ на веселую жизнь, прѣняющую и увлекающую многихъ? Призовемъ въ свидѣтели того же богоизбраннаго мужа, на котораго мы указывали прежде, который испытать всѣ роды удовольствій,—и ни одно не доставило ему искомаго счастія, а вездѣ, во всѣхъ родахъ земныхъ удовольствій, онъ нашелъ тоску и томленіе духа. *Сказалъ я въ сердцѣ свое иль (говорить онъ): дай я испытую тебя веселіемъ, и насладись добромъ: но и это суeta. О слыхъ сказали я: глупость! а о веселии: что оно дѣлаетъ* (Еккл. 11. 1—2)? Съ такимъ вопросомъ, съ какимъ Екклезіастъ отнесся къ веселію, обращаются къ людямъ, которые забываются и по неосторожности или неосмотрительности позволяютъ себѣ что-либо несообразное съ своимъ достоинствомъ или опасное. Такимъ вопросомъ мудрый и богоизбранный мужъ не хотѣлъ ли показать всю малоцѣнность нашего веселія,—даже болѣе, его несообразность съ нашимъ достоинствомъ и его опасность? Предаваясь веселію, мы только удаляемся отъ того пути, который ведетъ насъ къ счастію.

Или вотъ свидѣтельство человѣка отъ мира сего,—великаго поэта, создавшаго вѣковѣчную трагедію, где разрешается вопросъ о счастіи. Его герой цѣною души своей хотѣлъ купить счастіе, котораго ему недоставало, и увлекаемый злымъ демономъ, пустился на тѣ пути удовольствій и веселія, на которыхъ соблазнительно манили его призраки желаннаго счастія. И что же?

Потерялъ онъ средь жизненныхъ волненій
И чувства лучшія, и цвѣты своихъ стремленій¹⁾.

¹⁾ Фаустъ. Соч. Гете. т II, стр. 22.

Тамъ, гдѣ мечтать онъ найти блаженство и счастіе, вмѣсто рая наслажденій онъ нашелъ адъ терзаній и мученій.

Обратимся еще къ главѣ философовъ—Платону: у него мы встрѣчаемъ такой отзывъ объ удовольствіяхъ, за которыми мы гоняемся, думая найти въ нихъ удовлетвореніе себѣ. „Только черни (т. е. людямъ неразумнымъ), говоритъ онъ. удовольствіе кажется добромъ; это кажущееся добро; оно ни для кого не бываетъ достаточно. Всѣ ищутъ блага сущаго (настоящаго). А удовольствіе, за какимъ гоняются люди на открытомъ поприщѣ свѣта, и не истинно вовсе, и не чисто и есть лишь какакая-то тѣнь удовольствія. Всегда занимающіеся пирушками и тому подобнымъ пасутся внизъ и такъ блуждаютъ во всю жизнь. Они не возносились къ истинно высокому и не наполнились сущимъ (могущимъ насытить душу) и не вкушали твердаго и чистаго удовольствія, но подобно рогатому скоту всегда смотрятъ внизъ, и, наклонившись къ землѣ, пасутся за столами, откармливаются. Но душа ихъ, какъ дырявая бочка, „не наполняется ничѣмъ существеннымъ“ ¹⁾). Такое сужденіе Платонъ влагаетъ въ уста своего учителя Сократа въ одномъ изъ своихъ діалоговъ, и когда Сократъ высказалъ такія слова, его собесѣдникъ Главконъ замѣтилъ: „Ты Сократъ, изображаешь жизнь многихъ людей, какъ оракулъ“, чѣмъ вполнѣ подтвердилъ истинность его сужденія.

Плѣняетъ многихъ слава и честь, могущество и власть, и здѣсь видятъ иные желанное счастіе человѣка. Но по намѣренію Божію, счастіе должно быть общимъ достояніемъ налпимъ. А слава и власть достаются въ удѣль немногимъ. И что такое слава? Это—дымъ, разсѣывающейся надъ головою человѣка. Она не находитъ места въ сердцѣ человѣка

¹⁾ Политика или государство. Кн. VI, 505. Кн. IX, 583, 586. Сочиненія Платона. въ переводѣ Карпова, ч. III, стр. 335—6. 465—6. 469—470

и не живетъ въ немъ, и не даетъ ему ничего существен-
наго, а несется мимо него, какъ тѣнь отъ быстро летящаго
предмета. Въ воздушныхъ пространствахъ разносится голосъ
славы; предъ чужимъ слухомъ раздается онъ. А кто знаетъ,—
можеть быть, печали исполнено сердце того, имя котораго
окружено славою? И какимъ тяжкимъ путемъ достигается
этотъ разсѣвающійся звукъ славы! Наи强大的 силы; исто-
щается здоровье; потрачено много труда, изнуренія и пота
на пути, ведущемъ къ чести и славѣ,—и вотъ близокъ ко-
нецъ: главу труженика вѣничаетъ ореолъ славы. Но онъ из-
мученъ и не можетъ вкушать отъ славы того удовольствія,
какое полагаютъ подносить ему его попечители. *Всѣ дни его*
были скорби, и его труды беспокойство, говоритъ Екклесіастъ;
даже и ночью сердце его не знало покоя (Еккл. II, 23). Много славныхъ именъ записано въ исторіи, хотя
они составляютъ рѣдкія единицы въ числѣ миллионовъ, жи-
вшихъ на землѣ. Владѣтели этихъ именъ одарены были
особенными талантами. Но когда жили они, чувствовали ли
они въ глубинѣ души своей внутреннее довольство? Можетъ
быть, они страдали больше простыхъ смертныхъ, которые
жили и умерли въ безвестности? Имъ досталась слава; но
эта слава досталась имъ,—но крайней мѣрѣ, весьма многимъ
изъ нихъ,—только послѣ смерти. Мы справляемъ нынѣ тор-
жественные юбилеи, чествуя славныхъ дѣятелей прежняго
времени, и выражая тѣмъ признаніе великихъ заслугъ ихъ.
Но что эти юбилеи для мертвыхъ? Мертвые, какъ срама не
имутъ, такъ и вкушать славы не могутъ. Во время же жиз-
ни своей они несли тяготу, и великую тяготу, и многое изъ
нихъ современниковъ,—иногда даже большинство,—поносили
нихъ и насмѣхались надъ ними за то, за что потомки окру-
жаютъ ихъ имена честію и славою.

Вы завидуете людямъ, облеченымъ полномочіями власти
и занимающимъ мѣста на верху общественной іерархической
лѣстницы? Мы признаемъ достоинство власти, возвышающей

человѣка, но не хотимъ считать людей счастливцами за то только, что въ ихъ рукахъ есть большая или меньшая доля власти. Смотрите не на внѣшнее положеніе человѣка, а на его внутреннюю жизнь. Если мы спросимъ, у кого больше спокойныхъ, довольныхъ минутъ,—у человѣка ли власти, стоящаго высоко на общественной лѣстницѣ, или у человѣка подчиненнаго, то едва ли вы решитесь утверждать, что у первого ихъ больше, чѣмъ у втораго. Власть возвышаетъ внѣшнее положеніе человѣка въ обществѣ, но вместе съ тѣмъ увеличиваетъ бремя, на него возлагаемое. увеличиваетъ заботы его и расширяетъ кругъ его дѣятельности, для котораго требуется больше напряженія силъ, если не физическихъ, то умственныхъ, больше осмотрительности и осторожности, большие внимательности къ себѣ и къ окружающей обстановкѣ. Человѣкъ подчиненный, несущій скромную долю, заботится только о себѣ и отвѣчаетъ только за себя. А человѣкъ власти отвѣчаетъ не за себя только, но и за другихъ, на которыхъ простирается его власть. Стоитъ на вершинѣ онъ: дуютъ вѣтры, безъ которыхъ не обходится жизненная атмосфера, и эти вѣтры наиболѣе сильный напоръ дѣлаютъ на тѣхъ, которые стоятъ на вершинѣ и потому менѣе другихъ защищены отъ вихрей и вѣтровъ. А человѣкъ подчиненный, какъ дерево, растущее въ тихой долинѣ, защищенной горами, спокойно пользуется своею скромною долею, и его не беспокоятъ и не колеблютъ вихри, бушующіе на вершинахъ. Смотрѣніе Божіе удивительнымъ образомъ уравновѣшиваетъ жребій человѣческіе. Вотъ оно одного вознесло на верхъ власти, но „замѣть (говорить блаженный Феодоритъ), что оно со властю сопрягло заботы, жребіемъ его назначило бдительность и удѣлило ему многія болѣзни“, отъ чего болѣе или менѣе свободенъ подчиненный. Люди, живущіе въ подчиненіи, жалуются на трудъ, часто ихъ изнуряющій. „Обрати вниманіе (говорить тотъ-же блаж. Феодоритъ), что многіе изъ господъ трудятся не меныше слугъ, лучше же сказать,

гораздо ихъ больше, если и заботы причислить къ дѣламъ... Если же трудъ общее дѣло рабовъ и господъ, а забота исключительное дѣло господъ, то почему избавленныхъ отъ заботъ не признаешь блаженными, а напротивъ счастливыми называешь тѣхъ, которые обременены заботами?“¹⁾— „Да что говорить о другихъ властяхъ (говорить св. Иоаннъ Златоустъ)? Если мы взойдемъ мыслю до самаго царскаго сана, то найдемъ, что живущій въ семъ санѣ окруженнъ множествомъ огорченій, и тѣмъ болѣе имѣетъ неизбѣжныхъ поводовъ къ скорби, чѣмъ большими занять онъ количествомъ дѣлъ. Нечего уже говорить о войнахъ, сраженіяхъ и нападеніяхъ варваровъ: царь часто боится даже домашнихъ своихъ (когда сыны беззаконія всякими средствами замышляютъ озлобити его)... А поводовъ къ печали у царей столько, сколько волнъ у моря. Итакъ, если и царскій санъ не дѣлаетъ жизни безпечальною, что же другое можетъ сдѣлать это? Изъ житейскагоничто“²⁾.

Есть еще одно пріобрѣтеніе, овладѣвшіе которыми, по видимому, имѣютъ въ своихъ рукахъ ключъ къ храму счастия. Не поискать ли намъ счастія въ мудрости? Философъ Платонъ самою счастливою жизнью считаетъ жизнь мудреца³⁾. Стѣдя ему, не назовемъ ли мы счастливымъ человѣка, владѣющаго обильными знаніями, измѣряющаго глубину моря и высоту небесъ, и проникающаго своимъ взоромъ сквозь туманный покровъ грубой матеріи? Да, кто станетъ отрицать высокое значеніе мудрости? Одній святой отецъ Церкви, въ свое время прилагавшій большія усилія къ снисканію мудрости, въ мудрости видѣть одно изъ главныхъ достоинствъ

¹⁾ Слово о Промыслѣ Божіемъ 7-е. Творенія блаж. Феодорита т. V, стр. 289—293.

²⁾ Бесѣда о статуяхъ XVIII. Твор. Іоанна Златоуст. т. II, кн. 1, стр. 201.

³⁾ Политика или государство. Кн. IX. 583. Твор. Плат. ч. III, 465—6.

человѣка. „Полагаю, говоритъ св. Григорій Богословъ“¹⁾. хваля за ученость своего друга Василія Великаго, что всякий, имѣющій умъ, признаетъ первымъ для насъ благомъ учености. Въ священныхъ книгахъ (книгѣ Іова (XXVIII, 17—18), книгѣ Пritchей (XV, 11. 19) и книгѣ Премудрости Соломоновой (VII, 8—14), мы встрѣчаемъ много такихъ мѣстъ, въ которыхъ указывается высокое достоинство блага мудрости. по которому она превосходитъ всѣ другіе дары, какими мы пользуемся въ жизни, для ея украшенія. *Лучше премудрость какией лигоцѣнныхъ* (говорить Премудрый), всякое же честное недостойно ея есть, то есть, ничто изъ желаемаго не сравняется съ нею (Пritch. VIII, 11). *Все злато предъ нею песокъ малый, и яко брене въ пынится предъ нею сребро* (Прем. Сол. VII, 9). И намъ ли, служителямъ мудрости, весь свой вѣкъ проводяющимъ въ приобрѣтеніи и умноженіи познаній и сообщеній приобрѣтенныхъ познаній другимъ, умалять значеніе мудрости? Мы высоко цѣнимъ ее, и потому всѣ силы употребляемъ для ея снисканія.

Но при всемъ признаніи высокой цѣны мудрости, мы не можемъ сказать, чтобы она доставляла счастіе человѣку,—то счастіе, овладѣвъ которымъ онъ чувствовалъ бы себя вполнѣ довольнымъ и удовлетвореннымъ. Мудрость великое благо. Но где та мудрость, достигнувъ которой человѣкъ могъ бы сказать: довольно; я все узнать и могу успокоиться приобрѣтеннымъ знаніемъ. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись“,,—говорить народная пословица. Какъ бы ни была продолжительна жизнь наша, и съ какимъ бы раченіемъ мы ни стремились къ мудрости,—мы не успѣемъ войти въ самое святилище, где витаетъ она, а только болѣе или менѣе будемъ приближаться къ нему. „*Ag longa, vita brevis*“,—говорить другая, латинская, пословица, равносильная по смыслу только что при-

¹⁾ Надгробное слово Василію, архіепископу Кесаріи Каппадокійскія. Творенія св. Григорія Богослова, ч. IV, стр. 63

веденной нами пословицѣ русской. Съ малыхъ лѣтъ стремится человѣкъ къ мудрости, ведомыи къ неї сначала другими, успѣвшими болѣе ознакомиться съ нею, потомъ, съ большими или меньшимъ усердіемъ, самостоятельно трудинся для ея приобрѣнія, иногда напрягаетъ всѣ силы, проводить бессонныя ночи, не щадить своего здоровья, чтобы только умножить свои знанія. Но чѣмъ далѣе идетъ онъ въ погонѣ за мудростю, гдѣмъ далѣе она, казавшаяся прежде близкою, удаляется отъ него. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ по ступенямъ знанія, тѣмъ болѣе открывается предъ нимъ неизвѣданныхъ горизонтовъ, тѣмъ болѣе возникаетъ неразрѣзимыхъ вопросовъ, подавляющихъ его мысль, и онъ, послѣ долгихъ напряженныхъ усилий овладѣть всѣмъ достояніемъ мудрости, съ глубокою грустью долженъ сказать самому себѣ: нѣтъ, нѣтъ у меня такихъ крылья, чтобы долетѣть до престола, на которомъ возсѣдаетъ мудрость. Чѣмъ больше мы будемъ смотрѣть на солнце, тѣмъ больше оно будетъ поражать нашъ глазъ, и его сияніе можетъ совершенно ослѣпить насъ, если мы не уклонимся въ сторону отъ его блеска; такъ точно поражаетъ насъ и приводить въ изумленіе свѣтъ истины, къ которому хочетъ приблизиться мудрый. Потому тѣ люди, которыхъ свѣтъ считается особенно мудрыми, выражали смиренное и вмѣстѣ горькое сознаніе въ невозможности овладѣть полногою мудрости. Одинъ изъ самыхъ сильныхъ умовъ древности, достигши, повидимому, верха доступнаго человѣку знанія, сознавался въ своемъ неудовлетворенномъ стремлении къ знанію и слишкомъ сильно выражалъ по этому случаю свое безсиліе, говоря такъ: „я знаю то, что ничего не знаю“. Вотъ до какого результата, до какого печальнаго конца донесъ великий умъ, всю жизнь посвятившій исканію мудрости. Въ новое время такое же сознаніе въ тщегъ усилий овладѣть мудростю и чрезъ то достигнуты счастія выразилъ тотъ поэтъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали, и который изобра-

жалъ героя, желавшаго извѣдатъ всѣ среѣства, ведущія къ счастію.

„Я философію постигъ (говорить герой его),
Я сталъ юристомъ, сталъ врачомъ.
Увы, съ усердiemъ и трудомъ
Я все узналь, во все проникъ.
Н не умнѣй я подъ конецъ,
Чѣмъ прежде: жалкій я глупецъ,
Магистръ и докторъ я—ужъ вотъ
Тому пошелъ десятый годъ.

.

И вижу все, что не дало намъ знанья.
Извыла грудь отъ жгучаго страданья.
Да, вижу, что напрасно я собралъ
Сокровища познанія людскаго...
Ни на волосъ не выше я, не ниже,
И къ безконечному не ближе”¹⁾.

Вамъ нужны свидѣтельства болѣе вѣскія, подкрѣпленныя авторитетомъ не земнымъ, божественнымъ? Вотъ Іовъ, цѣнящій мудрость выше рубиновъ и топазовъ эоіопскихъ и ставящею ни во что предъ нею чистое золото (Іов. XXVIII. 17—19), всюду ищетъ ея и не находитъ. Гдѣ она (спрашивается онъ)? Гдѣ мѣсто разума? Нѣть ея на землѣ живыхъ. Бездна говоритъ: не во мнѣ она; и море говоритъ: не у меня (она). Откуда же исходить премудрости? И гдѣ мѣсто разума? Сокрыта она отъ очей всего живущаго, и отъ штицъ небесныхъ утаена. Аваддонъ и смерть говорятъ: ушами нашими слышали мы слухъ о ней. Богъ знаетъ пути ея, и Онъ (одинъ Онъ) вѣдаетъ мѣсто ея. Ибо Онъ прозираетъ до концовъ земли, и видѣть подъ всѣмъ небомъ (Іов. XXVIII, 12—14. 20—24).—Или мудрѣйший изъ царей Соломонъ, получившій отъ Бога особый,

¹⁾ Фаустъ Гете, въ переводѣ Холодковскаго, стр. 14.

чрезвычайный даръ разума... что онъ говоритъ о благѣ мудрости? Предаіль я (говорить онъ) сердце мое толму, чтобы изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ: это тяжелое занятие далъ Богъ сына изъ человѣческихъ, чтобы они упражнялись въ немъ... Говорилъ я съ сердцемъ моимъ такъ: вотъ я возвелълся и пріобрѣлъ мудростіи болѣше всіхъ, которые были прежде менѧ надъ Іерусалимъ, и сердце мое видѣло много мудрости и знанія. И предаіль я сердце мое толму, чтобы познать мудрость... и узналъ, что и это толченіе духа; потому что во многой мудростіи много печали, и кто умножаетъ знанія, умножаетъ скорбь (Еккл. 1, 13. 16—18). Нашелъ я, что человѣкъ не можетъ постигнуть ѻѣи, которыя дѣлаются подъ солнцепѣмъ. Сколько бы человѣкъ ни трудился въ изслѣдовании, онъ все таки не можетъ постигнуть этого; и если бы какой мудрецъ сказалъ, что онъ уразумѣваетъ это,— напрасно, не возложетъ обрѣсти (Еккл. VIII, 17).

Приложивъ разумъ приложитъ болѣзнь или умножаетъ скорбь, говоритъ Екклезіастъ. Не одно то въ мудрости составляетъ недостатокъ счастія, что человѣкъ, стремящійся къ увеличенію знаній, никогда не найдетъ себѣ полного удовлетворенія. Есть другого рода скорбь отъ увеличенія мудрости. Человѣку, достигшему въ сравненіи съ другими большей степени познаній, съ высоты его кругозора видны все неустройства нашей жизни, все тягости, удручающія нашу душу, все болѣзни, какими страдаетъ человѣчество. И если онъ близко принимаетъ къ сердцу все то, что ведеть къ гибели или приближаетъ къ пронасти ладью нашей жизни (а какой живой человѣкъ не приметъ этого къ сердцу?).— это создаетъ для него не мало беспокойствъ и страданій. Екклезіастъ выражаетъ горькое чувство, которое вызывается въ немъ его мудростію, именно потому, что ему вполнѣ ясна та суeta, за которую напрасно гоняются люди, виднаничто-

жность тѣхъ благъ, въ какихъ люди полагаютъ свое счастіе. Сильное слово его является отраженіемъ той грусти, какую вызываетъ въ мудромъ созерцаніе той суеты, той безнадеж-ной суетливости, какою наполнена жизнь смертныхъ.

Не найдемъ ли мы счастія земного подъ кровомъ ти-хаго семейнаго дома? О семейномъ счастіи такъ много говорить, и такъ много мечтаютъ, и такъ усиленно ищутъ его. И мы знаемъ, что семейный союзъ благословенъ Богомъ и устроенъ въ раю для нашего счастія, „когда Богъ сказалъ по сотвореніи Адама: *не добро быти человѣку единому* (Быт. II, 18), создаль и привелъ къ нему помощницу, подобную ему, для того, чтобы она вмѣстѣ съ нимъ раздѣляла радости жизни. Въ сердца наши премудрый Творецъ вложилъ любовь, которая скрѣпляетъ союзъ семейный, и въ церкви благодатию Божию освящается и утверждается эта сила се-мейнаго союза. Доброе семейство поэтому представлять должно изъ себя благонадежныи пріютъ для возвращенія счастія, бѣ-гущаго отъ насъ. Но смотримъ мы на эти пріюты счастія, на эти огражденныя и воздѣланныя поля, на которыхъ присы-валась роса благодати Божией,—и видимъ, что на нихъ про-изростаютъ не однѣ благоухающія розы, но вмѣстѣ съ ро-зами тернія и волчицы, и весьма часто послѣдніе заглушаютъ первыя. Вмѣстѣ съ радостями здѣсь неразлучны и печали, и нельзя взбѣсить, чего больше,—печалей или радостей. Возьмемъ во вниманіе доброе благоустроенное семейство, благословенное Богомъ. Тихо протекаютъ дни его. Но смо-трите, сколько заботъ и беспокойствъ лежитъ на сердцѣ главы семейства. Человѣкъ береть и несетъ себѣ и другимъ чашу радостей; но вдругъ выпадаетъ изъ рукъ эта чаша, и вмѣсто нея предлагается чаша горестей. Посмотрѣль внимательно святой отецъ на эти пріюты радостей земныхъ, и увидѣль, что сюда непрошенныя вторгаются скорби нашей многобѣд-ственной жизни. Пріятно супружество; но вмѣстѣ съ нимъ

налагаются на рамена тяжелое иго заботъ и беспокойствъ,— „налагаются узы, тягчайшія всѣхъ, какія налагаетъ на людей вещество, какъ начало трудовъ“ ¹⁾). Сколько думъ, тяжелыхъ, удручающихъ думъ вносить въ душу желаніе благоустроенія семейчаго дома.—и эти думы не дѣло минуты, а неразлучныя спутницы дней и годовъ отъ молодости и до скорбнаго заката жизни. Безчадіе въ немъ? Безчадіе—болязнь (говоритъ св. Григорій Богословъ)“; безчадіе—лишеніе благословенія Божія и тѣхъ утѣшений, какъ люди могутъ находить въ семействѣ. Тамъ дѣти? „Дѣти—гревожная скорбь; здѣсь заботы о добрыхъ дѣтяхъ, печаль о худыхъ“ ²⁾). И эти думы и заботы—удѣль не однихъ людей, въ иотѣ лица добывающихъ насущный кусокъ хлѣба, но и тѣхъ, у кого мы видимъ виѣшнее довольство и значительное обиліе материальныхъ средствъ. Мы любуемся на благосостояніе того или другого семейства,—вдругъ подкрадывается болѣзнь, а тамъ и смерть того или другого члена семьи, а, можетъ быть, главы и кормильца ея.— все разстраивается, и горькія слезы, неизуляемыя временемъ,—тамъ, гдѣ, казалось, счастіе свило гнѣздо себѣ. И это въ благословенныхъ семействахъ. Но при ныпѣшнемъ нравственномъ разслабленіи не часты эти благословенныя семейства. Врагъ человѣческаго счастія сидится всюду пускать свое ядовитое жало, и вотъ тамъ, гдѣ, по устроенію Божію, должны господствовать миръ и любовь,— эти главныя условія семейнаго благополучія, какъ часто мы видимъ ссоры, брань, горькія пренепрательства, невѣрность другъ другу, проявленія несдержанной страсти, разрушающія крѣпость семейнаго союза и кончающіяся полнымъ распадениемъ семейства дома, послѣ чего люди, вступивши въ союзъ

¹⁾ Св. Григорій Богослова стихи о самомъ себѣ. Твор. св. Григорія Богослова ч. IV, стр. 280.

²⁾ Твор. св. Григорія Богослова, т. IV, стр. 267. Слово о малозѣнности виѣшнаго человѣка и о суетѣ настоящаго.

любви на вѣки. съ ненавистю относятся другъ къ другу, и хуже чужихъ враждуютъ другъ противъ друга.

Но довольно. „Изъ смертныхъ (говорить св. Григорій Богословъ) никто еще не хвалился тѣмъ, что онъ, не испытавъ тяжелыхъ бѣдствій, переселился отсѣль... Не видаль я ни одного блага, которое бы совершенно было изъято отъ скорби, съ тѣхъ поръ, какъ нагубное вкушениe и зависть противника заклеймили меня горькою опалой“ ¹⁾.

Итакъ, извѣдали мы разные пути жизни, искали счастія тамъ, гдѣ люди думаютъ найти его, и не нашли его тамъ. Но мы сказали, что и здѣсь, при всѣхъ невзгодахъ на землѣ, возможна и доступна для насть доля счастія. Гдѣ жъ оно,—это доступное для насть счастіе? И какой путь ведеть къ нему?

Ищите счастіе въ своей душѣ, или, лучше, созидайте счастіе въ себѣ самихъ. А путь къ нему указанъ въ Евангелії, и состоить онъ въ исполненіи заповѣдей закона Божія, направляющаго ко благу стопы наши, и въ преданности волѣ Божіей. Чѣмъ выше мы поднимаемся по степенямъ нравственного совершенства, тѣмъ ближе становимся къ искомому нами счастію.

Есть латинская пословица: *Quisque suaе fortunae Faber est*, т. е. всякий самъ творецъ своего счастія, всякий самъ хозяинъ своей судьбы. Счастіе зависитъ не отъ вѣнчанихъ вещей, которыя мы можемъ пріобрѣсть и потерять, а отъ нашего внутренняго состоянія и расположенія. Такъ воспитывайте свою душу, чтобы въ ней утвердился незыблемый залогъ счастія. Пріобрѣтите такую силу духа, чтобы вы мог-

¹⁾ Слово о человѣческой природѣ. Творенія св. Григорія Богослова т. IV, стр. 260.

ли господствовать надъ всѣмъ, что течеть около и мимо вась. Пріобрѣтите такую силу, которая могла бы оградить вась отъ такъ называемыхъ ударовъ судьбы и ограничить ихъ власть надъ вами. Въ жизни счастливыя и несчастныя обстоятельства являются дѣломъ случая; а внутренній миръ правильно воспитанной и поставленной души не зависитъ отъ случая; онъ является неотъемлемымъ достояніемъ души, укрѣпившей свою внутреннюю силу и тѣмъ ставящей себя въ независимое или господствующее положеніе по отношенію къ внѣшнимъ случайностямъ. Душа, утвердившаяся въ добрѣ и преданная волѣ Божіей, представляеть изъ себя твердыню, которую не могутъ сокрушить внѣшнія напасти. Пусть бушуютъ вѣты кругомъ ея; пусть проносятся вихри и бури: она стоитъ непоколебимо. *Храмину на калени созидаеть человѣкъ, исполняющій законъ Христовъ, говорить Господь въ Евангеліи. И снide дождь, и придоша рѣки, и возвѣшиша вѣти, и нападоша на храмину ту: и не надеся, основана бо бѣ на калени* (Мате. VII, (24—25).

Екклезіасть, который все испыталъ, изслѣдовалъ всѣ пути человѣчесkie и мудрымъ словомъ взвѣсилъ и оцѣнилъ всѣ блага, за которыми гоняется человѣкъ отъ утра до вечера, отъ колыбели до гроба, напечель, что все и вездѣ *суета суетъ и всяческая суета* (Еккл. XII, 8). Гдѣ же выходъ изъ этой суеты? Вотъ главное и коренное правило, которое Екклезіасть совѣтуетъ напечатать на сердцахъ человѣческихъ: *бойся Бога и заповѣди Его соблюдай; потому что въ этомъ все для человѣка* (Еккл. XII, 13). Только при этомъ возвысится человѣкъ надъ суетою, крутящею его, и среди бурного житейского моря обрѣтетъ надежную пристань, въ которой будетъ чувствовать себя спокойнымъ, какія бы волны ни разражались вокругъ него. Когда другіе, преданные суетѣ, приходятъ въ отчаяніе при видѣ яростныхъ волнъ,— душа человѣка, боящагося Бога и на Него возлагающаго все

установіє своє, пребываєтъ спокойна и непоколебима. Къ Богу нужно обращаться всѣми помыслами своими, въ Немъ полагать надежду нашего спасенія,—и тогда никто не отниметъ отъ насъ внутренняго мира,—перваго и главнаго условія нашего счастія.

Кого Писаніе называетъ блаженными или, иначе говоря, счастливыми? Людей, преданныхъ Богу, исполняющихъ заповѣди Его. *Блаженны (говорить Псаломъвъецъ) непорочны въ пути, ходящие въ законъ Господне.иъ. Блаженны хранящие откровенія Его, всъмъ сердцемъ ищущие Его* (Псал. CXVIII. 1—2). *Блажени всеи, надѣющеся на мъ (Пс. 11. 12). Блаженъ мужъ, бойся Господа* (Псал. CXI, 1). *Блаженъ, ему же не зазрѣ душа его* (говорить премудрый сынъ Сираховъ) (Сир. XIV, 2). Почему блаженны или счастливы таковые? Потому что они всею душею обращены къ Богу, источнику всякаго блага и счастія, нашему всесильному Заступнику, а это обращеніе снабжаетъ ихъ такою силою, которая помогаетъ имъ побороть всѣ превратности судьбы. Они смогутъ гуда, откуда исходитъ свѣтъ, и тьма, насть облагающая, то есть, несчастія, съ нами приключаются, не омрачаютъ ихъ взора. Они твердо вѣрють, что у нихъ есть Покровитель, сильный запитить и избавить ихъ отъ болѣзни смертныя и отъ всѣхъ козней адовыхъ, и эта вѣра хранить въ нихъ непоколебимое благодушіе. Вмѣстѣ съ Давидомъ они чувствуютъ и исповѣдуютъ: *Господь свѣтилъ мой и Спаситель мой: кого мнѣ бояться? Господь защититель живота моего: кого или чего мнѣ страшиться? Если опогчится на мя полкъ, не убоится сердце мое* (Псал. XXVI, 1, 3).

Господь Иисусъ Христосъ, указывая намъ пути, ведущіе къ обладанію благами, намъ доступными и нами искомыми, сказалъ нѣкогда: *ищите прежде царствія Божія и правды его* (Мате. VI, 33), и тогда все, въ чёмъ нуждаемся мы, и отъ чего

зависитъ наше довольство и счастіе, будеть дано намъ. А царствіе Божіе весьма близко отъ насть. Оно, по изъясненію Апостола, *не браино и пиміе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святыѣ* (Рим. XIV, 17). Оно,—это царствіе внутри насть, то есть, можетъ быть нашимъ внутреннимъ пріобрѣтеніемъ, если только мы приложимъ усилия къ тому.—и тогда мы застрахованы отъ ударовъ судьбы, и тогда мы обладаемъ спокойствіемъ, котораго никто не отниметъ отъ насть, и тогда мы будемъ въ обладаніи счастіемъ, доступнымъ человѣку въ земной юдоли.

„Никто не сможетъ сдѣлать насть несчастными (говорить св. Іоаннъ Златоустъ¹⁾), если мы сами не сдѣлаемъ себя такими; равно какъ никто не сможетъ сдѣлать насть и блаженными, если не сдѣлаемъ себя таковыми мы сами, по благодати Божіей“.

Можетъ быть, вы съ недоумѣніемъ выслушали такое сужденіе святаго отца, при томъ выраженное съ такою рѣшильностью? Но онъ повторять его не разъ и не два въ своихъ чудныхъ бесѣдахъ, и мысль о томъ, что отъ насть самихъ зависитъ быть счастливыми или несчастными, была, можно сказать, его любимою мыслю. Вы не поскучаете, если иль его многократныхъ разъясненій этого положенія мы приведемъ нѣчто для разсѣянія всякихъ недоумѣній, какія можетъ вызывать его, на поверхностный взглядъ, необычное сужденіе, какъ будто противорѣчащее дѣйствительности.

„Всегда счастливъ (говорить онъ²⁾ тотъ, кто имѣеть чистую совѣсть, а чья совѣсть обременена грѣхами, всегда несчастливъ, что бы ни дѣлалъ“. „Только у человѣка, воспитан-

¹⁾ Бесѣда о статуяхъ XVIII. Твор. св. Іоанна Златоуста, т. II, кн. 1, стр. 206.

²⁾ Слово на новый годъ. Твор. ст. Іоанна Златоуста т. I, кн. 2, стр. 761—2.

наго и настроеннаго по-христіански, можетъ быть полное благо-
душіе, при которомъ ничто не можетъ въ конецъ разстроить
и опечалить его. Отъ такого человѣка, какъ отъ камений и
твёрдой скалы, отлетаютъ всѣ внѣшніе удары, ни мало не
колебля его. Это и имѣлъ въ виду Апостолъ, когда убѣждалъ
вѣрныхъ: *радуйтесь всегда о Господѣ: и паки реку: радуйтесь* (Фил. IV, 4). Все мірское, о чёмъ мы радуемся.
превратно, непостоянно, измѣнчиво, и не только этотъ имѣть
въ себѣ недостатокъ, но и то еще, что, и будучи продолжительно, не доставляетъ намъ такой радости, которая бы
прогоняла и затмѣвала печаль, причиняемую намъ другими
предметами. А преданность Богу тверда и неподвижна, и
столько источаетъ радости, что мы бываемъ совершенно не-
чувствительны къ другимъ бѣдствіямъ. Боящійся Бога и на-
дѣюющійся на Него пріобрѣлъ себѣ самый корень радости и
владѣеть вполнѣ источникомъ благодушія. И какъ малая
искра, упавшая въ безбрежное море, легко исчезаетъ, такъ,
чтобы ни случилось съ боящимся Бога, все упадаетъ въ
великое море благодушія, угасаетъ и исчезаетъ... Представимъ
человѣка, который имѣетъ чистую совѣсть, стремится къ бу-
дущему и пребываетъ въ благихъ надеждахъ. Что можетъ
скажи мнѣ, повергнуть его въ печаль? Не всего ли невы-
носимѣе представляется смерть? Но ожиданіе ея не только
не печалитъ, а еще весьма радуетъ его: онъ знаетъ, что
наступленіе смерти есть избавленіе отъ трудовъ и приведеніе
къ вѣнцамъ и наградамъ, назначеннымъ для подвизавшихся
въ благочестіи и добродѣтели. А безвременная кончина дѣтей?
Но и это онъ переноситъ мужественно и говорить словами
Іова: *Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви из-
волися, тако и бысть: буди имѧ Господне благословено
во вѣки* (Іов. 1, 21). Если же смерть и потеря дѣтей
не могутъ опечалить его, тѣмъ болѣе ущербъ въ имуществѣ,
понопленія, обвиненія, клеветы и болѣзни тѣлесныя не могутъ
поразить столь великой и доблестной души. Такъ и апостолы

подвергались побоямъ, но не скорбѣли. Велико уже и это; но гораздо важнѣе то, что они не только не скорбѣли, но и самые бичи дѣлали поводомъ къ еще большей радости и возвратились отъ лица собора, радующеся, яко за имя Христа удостоились принять *безчестіе* (Дѣян. V, 41). Оскорбить кто и обругалъ такого человѣка? Но онъ наученъ Христомъ радоваться среди поношений: *радуйтесь, говорить Христосъ, и веселитесь, егда рекутъ всякъ золь глаголъ, на вы лжуще Мене ради, яко мзда ваша многа на небесахъ* (Мато. V, 11—12)... Если же ни смерть, ни потеря имущества, ни болѣзнь тѣлесная, ни безчестіе, ни поруганіе, ни иное что подобное не можетъ его опечалить, напротивъ, еще и радуетъ,—то какая будетъ у него еще причина печали“¹⁾?

Думается намъ, что многимъ изъ васъ такая точка зрѣнія на дѣло кажется слишкомъ возвышеннаю, а пожалуй, искусственною, или, говоря проще, натянутою. Наше естественное плотяное чувство, съ его болѣзненными ощущеніями, нудить насть иначе смотрѣть на обыкновенное теченіе нашей жизни, съ ея превратностями, волненіями и частыми злоключеніями. Какъ не скорбѣть, а тѣмъ больше радоваться намъ, когда поражаетъ насть острое жало боли, нами опущаемой? Но наше плотяное чувство, какому мы поддаемся обыкновенно, слишкомъ съуживаетъ нась кругозоръ, склоняя долу напрѣмъ умственный взоръ, и дѣлаетъ насть рабами внѣшнихъ обстоятельствъ. Руководясь имъ, мы не можемъ выбраться изъ той крутящейся пучины, какую представляетъ сплетеніе событий нашей жизни. А мы, надѣленные даромъ свободы, должны не подчиняться внѣшнимъ впечатлѣніямъ, а господ-

¹⁾ Бесѣда о статуяхъ XVIII. Твор. св. Иоанна Златоуста, т. II, кн I. стр. 202—203.

ствовать надъ ними. И нашему уму даны крылья, возносящія его надъ землею,—прирождено стремленіе вверхъ, увлекаемый которымъ онъ долженъ смотрѣть на вещи не такъ, какъ онъ представляются съ низменной точки зрѣнія, а какими онъ являются, если на нихъ смотрѣть съ небесной высоты. Священное Писаніе и его богоумные толкователи освобождаютъ насъ отъ порабощенія вѣнчими обстоятельствами, ведутъ насъ къ свободѣ духа, возвышающей насъ надъ оцененіями низменного плотяного чувства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даютъ свѣтъ нашему уму, показывая истинное значеніе тѣхъ вещей, которыхъ страшится наше сердце. Другой точки зрѣнія на наше земное счастіе и его источникъ нельзя найти и указать, если мы хотимъ разсѣять туманъ, облегающій наши исканія счастія.

Не одни церковные писатели такъ смотрѣли на дѣло. Проблески такого воззрѣнія на счастіе наше мы находимъ и у людей, водившихся естественнымъ разумомъ, когда они, не довольствуясь поверхностнымъ взглядомъ на вещи, стараются поглубже вдуматься въ загадку нашего бытія и въ оцѣнку нашихъ стремленій. Мы приводили уже, и не разъ, сужденіе величайшаго отъ философовъ,—Платона. Много думалъ онъ о томъ, что можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ, и въ концѣ концовъ, пришелъ къ такому заключенію, что „счастіе неразлучно съ добромъ, и добро есть первое и главное благо человѣка. Безъ стяжанія добра всякое другое стяжаніе ничего не значитъ. Овладѣвшій добромъ овладеТЬ и счастіемъ, и носить внутреннее довольство въ самомъ себѣ. А высочайшее добро осуществляется въ Богѣ, и потому въ единеніи съ Богомъ и подчиненіи Его волѣ нужно искать человѣку счастія“.

Но вы не желали бы довольствоваться тѣмъ счастіемъ, которое мы можемъ созидать въ душѣ своей, слѣдуя путемъ

добродѣтели и подчиняясь волѣ Божіей. Вамъ мало того счастья, какого мы можемъ достигать, когда воспитаемъ въ себѣ нравственную силу, способную противостоять всѣмъ превратностямъ судьбы, и когда откроемъ доступъ въ сердца наши утѣшенніямъ благодати Духа, водворяющаго въ насъ миръ и спокойствіе. Вы желали бы большаго, полнаго счастія,— желали бы постоянныхъ наслажденій, ласкающихъ наше плотское чувство. Что же дѣлать? Мы утеряли блаженство, намъ дарованное, чрезъ грѣхъ, внесшій отраву во все существо наше. Грѣховный ядъ гнѣздится въ мертвенночью тѣлѣ нашемъ, и мы не можемъ совершенно освободиться отъ вредоноснаго дѣйствія его, вносящаго въ нашу жизнь сѣмя зла. несовмѣстимаго съ совершеннымъ счастіемъ. Наше теперешнее состояніе таково, что Евангеліе,—это непреложное слово истины,—говорить намъ не о счастіи, но о спасеніи, спасеніи отъ погибели и возвращеніи потеряннаго блаженства. Это спасеніе—дѣло будущаго, и въ будущей бессмертной жизни намъ даровано будетъ такое блаженство, котораго въ настоящемъ своемъ состояніи мы и представить не можемъ. *Не уявися, что буде.иѣ (1 Іоан. III, 2), говоритъ Апостоль. Ихже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящи.иѣ Его (1 Кор. II, 9), утѣшаетъ насть другой Апостоль. „Какъ же мы узнали это, Павель (спрашивается св. Іоаннъ Златоустъ) ¹⁾. Кто открылъ, кто объяснилъ все это, что было невидимо и неслышано, и не входило въ сердце человѣка?... Скажи и покажи, кто сообщилъ такое знаніе? *Намѣ, говоритъ, Богъ открылъ есть Духомъ Своимъ, Духъ бо вся испытуетъ, и любини Божія (1 Кор. II, 10—11).**

У Словъ къ тѣмъ, которые обозначатся проистѣшими несчастіями. Говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, т 10, кн. 2, стр. 502.

Вотъ гдѣ наше счастіе! Вотъ куда должны быть устремлены наши помыслы и желанія. Въ предвкушениі этого будущаго блаженства чувствовали неизъяснимое удовольствіе святые праведники. Ихъ не возмущали и не поражали временные скорби и страданія. Они легко переносили всѣ здѣшнія злоключенія: потому что ихъ мысль была со Христомъ въ Богѣ. Они, по слову Апостола, желали *разрѣшилися*, то есть, отойти изъ этого міра. полнаго печалей, и войти въ царство славы, гдѣ одесную Бога Отца возсѣдитъ Христость—нашъ Спаситель, уготовившій свѣтлыя обители своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ. Даже путь кровей, каковъ путь мучениковъ, не былъ страшенъ для нихъ, и они вступали на него съ бодрымъ духомъ, полные блаженнаго упованія, презирая кратковременные страданія. Тамъ блаженство вѣчное, неокрушимое, съ которымъ не можетъ идти ни въ какое сравненіе нынѣшнее шаткое, колеблющееся счастіе. Наше земное счастіе, за которымъ мы гоняемся (если только его можно назвать счастіемъ),—счастіе летучее, скоропреходящее. Нынѣ ты счастливъ, доволенъ; но завтра незамѣтно подкрадывается къ тебѣ бѣда, когда ты не успѣлъ еще вполнѣ овладѣть своимъ счастіемъ. Въ нынѣшнихъ счастливыхъ обстоятельствахъ мы не испытываемъ полнаго довольства и покоя. Всегда на днѣ души чувствуется иѣкоторая неудовлетворенность своимъ положеніемъ, нудящая насть искать новаго и большаго блага. Точно дерево, котораго корень поврежденъ и зараженъ гнилью,—жизнь наша на землѣ: эта гниль, подтачивающая корень нашей душевной жизни, даетъ намъ чувствовать себя, въ какихъ бы благонріятныхъ обстоятельствахъ мы ни находились. А тамъ не будетъ ни тѣни смущенія, и все горькое, все гнилое, отъ чего мы нынѣ не можемъ освободиться, исчезнетъ, и новое свѣтлое небо, новая прекрасная земля будетъ нашимъ жилищемъ. гдѣ миръ и правда будетъ съ нами.

„Для людей (говорить св. Григорій Богословъ)¹⁾ одно только благо, и благо прочное, это небесныя надежды. Ими дышу я нѣсколько, а къ прочимъ благамъ чувствую отвращеніе. И я готовъ предоставить существамъ однодневнымъ все то, что влачиться по землѣ... Другимъ уступаю пріятности жизни; а самъ охотно ихъ избѣгну. Время, пока я дышу, есть быстрый потокъ бѣгущей рѣки, въ которой непрестанно одно уходитъ, а другое приходитъ, и ничего нѣтъ постояннаго... Много путей многобѣдственной жизни, и на каждомъ встрѣчаются свои скорби; нѣтъ добра (здѣсь) для людей, къ которому бы не примѣшивалось зло. Одно только прекрасно и прочно для человѣка: взять крестъ, переселяться отселѣ. Прекрасно жить жизнью, чуждою жизни, и промѣнявъ одинъ міръ на другой, терпѣливо переносить всѣ горести“.

Ітакъ надеждою на будущія блага намъ нужно питать и услаждать свои души, и здѣсь полагать залогъ своего счастія. Будемъ жить сладкимъ упованіемъ. Это упованіе не должно и не посрамить (Рим. V, 5); потому, что вѣренъ Обѣщавый памъ, и этотъ обѣщавый есть Господь, всесильный и милосердный Владыка неба и земли, пришедшій къ намъ во плоти и пролившій кровь свою за наше искупленіе отъ всячаго зла. Онъ обѣщає тѣмъ, которые послѣдутъ за нимъ, *сокровище на небеси* (Мато. XIX, 21), и всякий, кто ради Его и по Его заповѣди, пріиметъ подвигъ на землѣ, *сторицю пріи.метъ и животъ вѣчный насильдитъ* (Мато. XIX, 29).

Но трудно намъ (скажете вы) утѣшать себя небесными благами, когда они не видны намъ и отдалены отъ насъ. Они не могутъ доставить намъ, по своей отдаленности, та-

¹⁾ Слово о малоцѣнности вицманаго человѣка и о суетѣ настоящаго: Твор. св. Григорія Богослова, т. IV, 268—272.

кого удовлетворенія, какое доставляютъ блага здѣшнія, настоящія, явная намъ и ощущаемая нами. Такое возраженіе слышалъ и Златоустъ. Что же онъ отвѣчалъ на такое возраженіе? „Хотя они (небесныя блага) и не видны (говорить онъ), однако явственнѣе видимыхъ. Что я говорю: явственнѣе? Ихъ ты можешь видѣть лучше, нежели эти (земныя); потому что эти проходятъ, а тѣ всегда пребываются. Апостоль говоритъ: мы въ безмѣрномъ преизбыткѣ предоющаємъ вѣчную славу, когда смотримъ не на видимое, но на невидимое; потому что видимое временно, а невидимое вѣчно (2 Кор. IV, 17—18). Если же ты скажешь: какъ могу я взирать на невидимое и не взирать на видимое? — то я постараюсь привести тебя къ вѣрѣ въ это посредствомъ дѣлъ житейскихъ. И тленными вещами, находящимися въ мірѣ, не скоро сталъ бы заниматься кто нибудь, если бы прежде видимаго не взиралъ на невидимое. Напримѣръ, торговецъ переносить много бурь, волнений, кораблекрушений, и разныхъ затруднений, но становится богатымъ послѣ бурь, когда сложитъ товары и долго будетъ производить торговлю. Такимъ образомъ, бури прежде, а товары послѣ; моря и волны уже являются ему, когда онъ выходитъ изъ пристани, а прибыли еще не видно, — она еще пока въ надеждѣ. И однако, если бы онъ напередъ не видѣлъ той не явной и не присущей, находящейся не въ рукахъ, а только въ надеждѣ, прибыли, то не дотронулся бы до этого присущаго видимаго. Такъ и земледѣлецъ запрягаетъ воловъ, влачить плугъ, проводить глубокую борозду, бросаетъ сѣмена, тратитъ все, что имѣеться, переносить и морозъ и иней, и дожди и много другихъ непріятностей, а послѣ того труда ожидаетъ увидѣть богатую жатву, и полное хлѣба гумно. Видишь ли, какъ и здѣсь напередъ трудъ, а потомъ награда, и при томъ награда неизвѣстна, а трудъ извѣстенъ и очевиденъ; та еще въ надеждѣ, а этотъ въ опытѣ... И такъ не безразсудно ли въ дѣлахъ житейскихъ прежде явного смотрѣть на неявное,

прежде наградъ переносить труды, прежде терпѣть всѣ неудобства, а потомъ ожидать отъ того пользы, и побуждаясь надеждою на невидимое, приниматься за видимое, а въ дѣлахъ Божіихъ колебаться и недоумѣвать, требовать воздаяній прежде трудовъ, являться малодушнѣ и землемѣтыевъ и мореплавателей¹⁾?

Итакъ не будемъ полагать своего счастія въ земныхъ радостяхъ, не будемъ гоняться за мимодетными удовольствіями, которыя бѣгутъ отъ насъ въ то самое время, когда мы хотимъ овладѣвать ими. Они лишь только являются, какъ и улетаютъ; лишь только придутъ, какъ и убѣгаютъ; смѣны ихъ быстры; обладаніе ими не вѣрно. А будемъ стремиться къ обладанію блаженствомъ нескончаемымъ, обѣгованнымъ намъ Господомъ, такъ много сдѣлавшимъ для насъ, чтобы ввести насъ въ обладаніе этимъ блаженствомъ. Тамъ, единственно тамъ наше полное и истинное счастіе. А все прочее—бѣгущая тѣнъ, ничего за собою не оставляющая.

Вы ждете конца слова, полагаю, наскучившаго вамъ и утомившаго ваше вниманіе. Пусть наше слабое слово заключить и покроеть собою сильное слово вселенского учителя (св. Иоанна Златоуста). Ни чѣмъ лучше мы не можемъ заключить свою бесѣду съ вами, какъ его могучимъ голосомъ, несущимъ съ намъ изъ дали временъ, и донынѣ слышимъ и внушительныймъ для внимательныхъ душъ. „Горько оплакивая покрывающую души людей густую мглу (говорить св. Ioannъ Златоустъ), я желалъ бы найти какое нибудь возвышенное мѣсто, съ которого мнѣ можно было бы видѣть весь родъ человѣческій, — желалъ бы имѣть и голосъ, который оглашалъ бы всѣ предѣлы и слышанъ быть для всѣхъ, живущихъ на

¹⁾ Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ. Твор. св. Ioanna Златоуста, т. III, кн. I, 466—7.

землѣ, чтобы стать и взывать и провозглашать слова Давида: *сынове человѣчестіи, доколѣ тяжко-сердіи, всякую любите суету и ищете изжи* (Псал. VI. 3), предпочитая небесному земное, вѣчному временное, бесмертному тѣлѣнное¹⁾).

B. Пльвницкій.

¹⁾ Бесѣда о жизни по Богу и на словѣ: *Узкая врата и пр.* (Мате. VII, 14). Твор. св. Иоанна Златоуста, т. III, кн. 1, 28.